

Historical Sciences and Archaeology

Исторические науки и археология

UDC 93/94

Russian Expatriate Community in A.V. Antoshin's Monograph "Russian Emigrants in Terms of "Cold War" (Middle 1940s – Middle 1960s)": Establishment, Political Activity, Relation with the USSR

Artem I. Kuritsyn

Belarusian State University, Belarus

E-mail: dorward@mail.ru

Abstract. The review considers A.V. Antoshin's monograph "Russian Emigrants in Terms of "Cold War" (Middle 1940s – Middle 1960s)". Special attention is attached to the problem, concerned with the second wave of emigration. The article analyses the process of Soviet citizens repatriation after the World War II, considers the issues, concerned with the political activities of Russian expatriate community, propaganda efforts of People's Labor Union and other emigration organizations.

Keywords: Russian expatriate community; "second wave of emigration"; emigrants' pro-Soviet attitude; People's Labor Union; dissidence in USSR as a factor of propaganda efforts.

Введение. История русской эмиграции за последние годы сформировалась в одно из важнейших направлений историографии. Особое внимание привлекает судьба эмиграции, вызванной катаклизмами Второй мировой войны. За пределами своей Родины оказались миллионы людей, большинство из которых при иных обстоятельствах никогда бы не покинули навсегда границы Советского Союза. Несмотря на различные обстоятельства, многие эмигранты внимательно следили за развитием событий на покинутой ими Родине, понимая, что во многом от этого зависела их дальнейшая судьба. Особенно обострялась проблема политической позиции российских эмигрантов в периоды глобальных конфликтов, которые пронизывали весь XX в., в том числе и «холодной войны».

Материалы и методы. Основой для написания рецензии стала монография «Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)» А.В. Антошина. В тоже время важную роль при написании рецензии сыграли статьи и монографии таких авторов как В.Н. Земсков, Н.Л. Пушкарева, Э.Л. Нитобург, В.Н. Земсков, М.В. Назаров, Н.Л. Пушкарева, многие, из которых сами являются эмигрантами, и соответственно, знакомы со спецификой проблемы «изнутри». При написании рецензии использовался метод исторической ретроспекции, как наиболее отвечающий целям и задачам, поставленным в ходе написания рецензии.

Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2008. - 659 с.

Изучение российской эмиграции в Советском Союзе встречало определённые трудности идеологического и политического характера, не дававшие в значительной степени перейти к научному исследованию проблемы. Существовали также проблемы связанные с источниковой базой, не позволявшие исследователям в полной мере осветить те процессы, что проходили в среде российской эмиграции.

В тоже время, несмотря на доминирование процессов идеологизации и схематизации исторического знания, упрощённого и одностороннего изображение российской эмиграции как «белогвардейских банд и беженской накипи», занятых исключительно клеветой на СССР, многие аспекты культурной и общественной жизни российской диаспоры получили отражение в работах Л. К. Шкаренкова, А. Л. Афанасьева, Г.З. Иоффе и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6].

В конце 1980-х - начале 1990-х гг., в условиях происходивших изменений в политической и духовной жизни общества значительно вырос общественный интерес к истории российского зарубежья, в том числе и к российской эмиграции 1940–1960-х гг. В это время происходят процессы расширения источниковой базы исследований, смены научных парадигм, изменения методологических принципов исследований. Выходят в свет специальные статьи, посвященные проблемам формирования и эволюции «второй волны» российской эмиграции В.Н. Земскова, Н. Л. Пушкаревой, М.И. Семиряги и др. [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Выходят работы, в которых освещается судьба российских диаспор в различных странах мира – прежде всего Югославии [13; 14; 15], Аргентине [16; 17]. США [18; 19] и других странах [20; 21; 22; 23]. Анализируются вопросы репатриации [24; 25], культуры и общественно-политической деятельности эмигрантов. [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Появляются статьи и монографии, посвященные различным аспектам существования эмиграции [33; 34; 35; 36; 37; 38; 39]. В это же время публикуются воспоминания многих видных деятелей Зарубежной России [40; 41; 42].

В центре внимания монографии А.В. Антошина «Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)» – история российской диаспоры в Европе и Америке в середине XX в. Книга охватывает период от событий, связанных с окончанием Второй мировой войны, в результате которых формируется новая Ялтинско-Потсдамская система международных отношений до середины 1960-х гг., когда складываются предпосылки для начала новой, третьей волны эмиграции из СССР. Как отмечает автор, к этому времени проявились новые тенденции в развитии СССР: период «оттепели» постепенно сменялся новой эпохой, начиналась «ползучая ресталинизация». За этими процессами с тревогой следили многие российские эмигранты, чьи надежды на широкую демократизацию в стране и возможность вернуться на когда-то покинутую Родину рушились. Конец «оттепели» вызвал отторжение и у части советской интеллигенции, что вело к развитию диссидентского движения – начиналась новая, третья волна эмиграции из СССР.

Особое внимание уделяется проблемам межкультурного взаимодействия и интеграции эмигрантов в странах пребывания, особенно в Европе. Автором анализируются особенности процесса адаптации эмигрантов, специфика восприятия ими политических институтов и социокультурной среды демократических стран Запада.

Отдельно необходимо остановиться на высоком уровне источниковой базы монографии. Так, в работе использованы документы, находящиеся на хранении в 105 фондах 18 архивохранилищ Амстердама, Лидса, Нантера, Будапешта, Берлина, Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Практически все документы, использованные в монографии, за небольшим исключением, впервые вводятся в научный оборот.

Характерной особенностью работы является то, что значительную часть как архивных, так и опубликованных источников составляют документы личного происхождения. По мнению А.В. Антошина, обращение к этим материалам особенно важно, ибо новые тенденции в развитии исторической науки ставят человека в центр внимания исследователя. На взгляд автора, среди материалов личного характера, особую роль играют письма. Именно они позволяют исследовать психологию эмигрантов, настроения внутри Российского Зарубежья. Кроме того, именно личная переписка зачастую содержит ту информацию, которую скрывали от СМИ политические деятели эмиграции. Изучение писем позволяет зачастую увидеть реальные масштабы деятельности той или иной организации, которая в пропагандистских целях могла давать приукрашенную информацию о себе для эмигрантской прессы. Знакомство с личными письмами делает более понятным реальный механизм принятия политических решений, позволяет объяснить причины эволюции тактических установок эмигрантских политических группировок. Вместе с тем, далеко не всегда, оценки, высказанные в личной переписке, отражают подлинные настроения человека. В тоже время, по мнению автора, необходимо учитывать, кто является адресатом письма, обстоятельства его написания, привлекать дополнительные источники. Только с учетом соблюдения данных условий возможна адекватная интерпретация той информации, которая содержится в письме.

Вторая мировая война привела к формированию новой, второй волны эмиграции из СССР. Среди эмигрантов этой волны были люди с разными судьбами, принадлежавшие до

войны к различным слоям населения Советского Союза. На взгляд автора, не совсем корректными являются попытки упрощенного подхода к данной проблеме, когда происходит неоправданная унификация социокультурного облика, психологических и идейно-политических установок всех бывших граждан СССР, оставшихся после Второй мировой войны за рубежом.

Одной из важнейших составляющих этой волны эмиграции стали некоторые оказавшиеся в плену военнослужащие Красной Армии. Статистика численности советских военнопленных весьма противоречива, сам этот вопрос представляет собой отдельную исследовательскую проблему. Как удалось установить автору, данные советских официальных источников говорят о более чем 4 млн военнопленных (по немецким источникам, этот показатель превышает 5 млн чел., но сюда включается и персонал военизированных гражданских ведомств – Наркомата путей сообщения и т. д.). Однако, как справедливо замечает А.В. Антошин, необходимо учитывать, такой фактор, как исключительно высокая смертность советских военнопленных в нацистских лагерях: около 1,2–2 млн их не дожило до конца войны. В тоже время, часть тех, кто выжил (по данным из советских источников, на 1 января 1945 г. в немецком плену оставалось около 930 тыс. солдат и офицеров), стремилась остаться на Западе, зная об отношении советского руководства к побывавшим в плену бойцам Красной Армии, о репрессиях в отношении членов их семей в соответствии с приказом НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР от 28 июня 1941 г. Тем не менее, как отмечает А.В. Антошин, не стоит преувеличивать масштабы этой группы лиц: большинство оказавшихся в плену советских солдат и офицеров, не взирая на угрозу возможных репрессий, все-таки мечтали о возвращении на Родину, к своим семьям.

Помимо военнопленных, среди эмигрантов второй волны оказалась и часть «остарбайтеров» – гражданского населения, угнанного на работы в Германию в годы войны. Особенно активно проходила мобилизация населения с оккупированных территорий в 1942–1943 гг. Общая численность советских «восточных рабочих» составляла около 4,8 млн человек. Большая их часть работала на крупнейших германских монополиях: доля иностранных рабочих и военнопленных на сталелитейных предприятиях Круппа и Флика составляла около 50 %. Как установил автор, на основе разнообразных источников, психологическое состояние бывших «восточных рабочих» к моменту окончания Второй мировой войны было противоречивым. По многочисленным воспоминаниям, угнанные в неволю люди весной 1945 г. «радушно приветствовали» наступавшие советские войска. Однако нередко впоследствии их настроение менялось, когда они узнавали об отношении советской власти к бывшим «восточным рабочим», о необходимости прохождения через многочисленные унижительные проверки.

Трудно не согласиться с автором, что остаться на Западе после войны стремились отступившие вместе с частями немецкой армии коллаборационисты - лица, сотрудничавшие с нацистами на оккупированных территориях СССР или воевавшие на стороне гитлеровской Германии. Естественно, после разгрома нацизма бойцы власовской армии, например, стремились избежать возвращения в СССР. Таким образом, вторая волна эмиграции из СССР могла бы иметь весьма большие масштабы. Однако советское руководство активно проводило политику репатриации в СССР советских граждан. По мнению А.В. Антошина, не последнюю роль сыграли опасения, что оказавшиеся за пределами Родины граждане СССР могут принять участие в антисоветских акциях.

Пристальное внимание в монографии уделяется вопросам политической истории Российского Зарубежья. Как отмечает А.В. Антошин, изучение вопросов, связанных с возникновением и функционированием политических партий и организаций в среде российской диаспоры, представляет собой очень сложный и противоречивый объект исследования. Как уже отмечалось выше, в советской историографии данная проблематика явно доминировала, тема российской эмиграции относилась к числу весьма политизированных сюжетов. Однако, по мнению А.В. Антошина, для рядового эмигранта отнюдь не меньшее, а, возможно, и большее значение, чем участие в политической борьбе, играли вопросы социально-экономической, природной, культурной адаптации. Вклад российских эмигрантов первой послереволюционной волны в сохранение и пропаганду за рубежом культурного наследия их Родины, очевидно, не менее важен, чем разработанные ими планы переустройства посткоммунистической России.

Необходимо отметить и характерное для очень многих эмигрантов негативное отношение к политике как к сфере жизни общества в целом, а также к политическим объединениям.

Выявленные А.В. Антошиным документы, позволяют утверждать, что основной тенденцией эволюции политических объединений российской эмиграции в середине 1940-х – середине 1960-х гг. было затухание их деятельности. Несмотря на все многообразие политической палитры Российского Зарубежья, ни одно объединений не смогло в условиях эмиграции вырасти в действительно массовую политическую силу. Сильная зависимость подъемов и спадов эмигрантской политической активности от финансовой поддержки Запада и изменений в международной политике в целом привела к тому, что деятельность большинства созданных структур, начиная со второй половины 1950-х гг., в условиях провозглашенной советским руководством политики «мирного сосуществования» постепенно затухала. Все отчетливее становилась для большинства эмигрантов бесперспективность антикоммунистической борьбы в условиях крайне слабой материальной базы, постепенного старения и ухода из жизни многих политиков. Занятые заботами об обеспечении для себя достойного уровня жизни в трудных условиях эмиграции. Многие представители российской диаспоры равнодушно относились как к исповедуемым монархистами идеям реставрации старой политической системы, так и к пропагандируемому эсерами и меньшевиками демократическому социализму, проигравшему идеологическую борьбу большевизму в 1917 г. Те же, кто первоначально возлагал на политические организации эмиграции надежды, постепенно убеждались в их неспособности стать решающим фактором в антикоммунистической борьбе. Отсутствие традиций толерантности, противоборство личных амбиций лидеров даже в рамках одного и того же идейного течения в итоге привели к тому, что антикоммунистическая эмиграция не представляла собой единой политической силы. Из всех политических объединений лишь НТС, модернизировавший свою идеологию и опиравшийся на финансовую поддержку США, в 1960-е гг. являлся реально функционировавшей антикоммунистической структурой.

Проблема взаимоотношений СССР и Зарубежной России является одной из наиболее интересных и дискуссионных в российской исторической науке. Как справедливо замечает автор, российская эмиграция, стремясь создать альтернативную Россию – Российское Зарубежье, тем не менее, пыталась сохранить связь с покинутой Родиной, участвовать в ее жизни. Популярная в 1920–1930-е гг. идея «общей судьбы» диаспоры и большевистской России оставалась актуальной и после Второй мировой войны. Безусловно, ее реализация зависела и от позиции коммунистического руководства СССР, которое преследовало свои цели, так и Запада, стремившегося использовать эмигрантов в противостоянии эпохи «холодной войны». Тем не менее, по мнению А.В. Антошина, не следует игнорировать и наличие в эмигрантской среде симпатий к советским людям, настроений ностальгии по Родине, которые, как уже отмечалось, ярко проявились в годы Второй мировой войны. Именно на подобных фактах основывались те советские исследователи, которые предпочитали называть значительную часть эмигрантов (особенно славянское население в Канаде и странах Латинской Америки) «зарубежными соотечественниками», подчеркивая их активное сотрудничество с СССР. Бесспорно, эти исследователи осознавали, что таковы были настроения далеко не всех российских эмигрантов. Вместе с тем, как пишет А.В. Антошин, не стоит и замалчивать позитивное отношение части представителей Российского Зарубежья к Советскому Союзу, что нередко фактически происходит в современной историографии, когда все внимание уделяется антикоммунистической эмиграции.

Просоветские настроения части зарубежных россиян особенно ярко проявились в первые послевоенные годы. Энтузиазм, вызванный победами Красной Армии во Второй мировой войне, осознание того, что именно она внесла решающий вклад в разгром нацизма заслонили для многих эмигрантов негативные черты существовавшего в СССР политического режима. Часть зарубежных россиян добровольно вернулись на Родину. Содействие репатриации активно оказывал, например, Союз советских патриотов (ССП) во Франции. В годы войны эта организация первоначально именовалась Союз русских патриотов. Изменение названия отражало постепенную советизацию ее идеологии и тактики. На страницах газеты «Советский патриот» велась агитация за возвращение в СССР,

пропагандировались достижения социалистического строя, разоблачались те литераторы, которые в годы Второй мировой войны сотрудничали в нацистских изданиях. В тоже время, как отмечает А.В. Антошин, излишняя активность Союза советских патриотов в борьбе против коллаборационистов вызывала отторжение даже у некоторых представителей эмигрантской интеллигенции, симпатизировавших СССР и занимавших в годы войны антинацистскую позицию.

Достаточно восприимчивы к пропаганде Союза советских патриотов были представители молодого поколения российской диаспоры во Франции. По мнению автора, немаловажную роль играло то обстоятельство, что молодое поколение, в отличие от старых эмигрантов, не участвовало в противостоянии времен Гражданской войны, поэтому полагало, что защищено от возможных репрессий со стороны Советской власти.

В послевоенный период просоветские настроения были распространены среди части эмигрантов не только в Европе, но и на других континентах. В США члены российской диаспоры, придерживавшиеся таких взглядов, объединялись в основном вокруг газеты «Русский голос», а также существовавшего в Нью-Йорке клуба имени Н.Г. Чернышевского. Активно взаимодействуя с посольством СССР в США, они стремились сформировать в американском обществе позитивное отношение к перспективам советско-американского сотрудничества

Важной исследовательской проблемой являются контакты эмигрантов с родственниками и друзьями, оставшимися в СССР. В силу известных причин они не были особенно интенсивными, но, по мнению А.В. Антошина, это связано не только с позицией органов власти Советского Союза. Как удалось установить автору, были случаи, когда наблюдалось отсутствие желания общаться с прежними друзьями, развитие личности которых в течение многих лет продолжалось в иных условиях. Советские граждане нередко осознавали, что их старые товарищи, оказавшись в эмиграции, уже получили иной жизненный опыт, могли существенно изменить и свои взгляды.

В тоже время, привлеченные автором источники показывают, что, несмотря на «железный занавес», и у многих эмигрантов, и у части советских граждан существовало стремление к установлению контактов, восстановлению нарушенной связи между соотечественниками. По мнению А.В. Антошина, для многих эмигрантов это было связано с осознанием ими общей судьбы эмиграции и Родины, пониманием того факта, что без связи с Россией Российское Зарубежье будет стремительно распадаться на атомы – полностью ассимилированную массу людей, лишь своими корнями связанных с Отечеством их предков.

К тому же те изменения, которые происходили в Советском Союзе, патриотические заявления советского руководства в годы Великой Отечественной войны позволяли надеяться на то, что произошел отказ от революционных традиций, начало которым положил Октябрь 1917 г. На взгляд автора, принципиально не верен взгляд на движение «советских патриотов» и связанные с ним структуры лишь как на объединения неких «агентов Кремля». Симпатии к Советскому Союзу, внесшему важнейший вклад в победу над Германией, были распространены в российской эмиграции в послевоенные годы. Однако эти настроения были использованы правительством СССР, чтобы усилить свои позиции в «холодной войне», создать позитивный образ Советского Союза среди западных интеллектуалов. «Советский патриотизм» обернулся трагедией, обманутыми надеждами многих российских эмигрантов, поверивших в возможность честного компромисса Российского Зарубежья и Советской власти.

Стремление политических организаций Российского Зарубежья вести пропаганду своих идей среди советских граждан было обусловлено, по мнению А.В. Антошина, осознанием эмигрантскими политиками того, что даже военная помощь со стороны иностранных государств не могла быть единственным фактором, который бы обеспечил ликвидацию существовавшего в СССР политического режима. Перерастание «холодной войны» в фазу крупномасштабного вооруженного конфликта, о возможности чего писали многие эмигрантские политики, не могло сыграть своей роли катализатора антикоммунистического восстания в СССР, если бы в политическом сознании советского общества параллельно не произошли бы существенные изменения. В противном случае, жители СССР восприняли бы Запад и сотрудничавших с ним эмигрантов как оккупационные силы, что могло стать причиной формирования движения народного

сопротивления. Эмиграция стремилась опереться в своей борьбе против коммунистического режима на население СССР, трансформировать его идейно-политические установки. Именно для этого было необходимо «проникнуть» в СССР, создать на его территории свои структуры.

Фактически единственной довоенной политической организацией эмиграции, продолжавшей активную деятельность и в середине 1940-х - середине 1960-х гг., был Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Для российских солидаристов, исходивших из стратегии подготовки народной революции в СССР, контакты с его гражданами, создание своих подпольных структур были особенно важными. Его довоенная деятельность в этом направлении не привела к необходимым НТС результатам. Основными инструментами идеологического воздействия НТС были периодические издания, распространявшиеся в СССР, прежде всего журнал «Посев», а также радиостанция «Свободная Россия». Однако были и попытки применить другие методы агитации. Так, в 1951–1957 гг. солидаристские листовки сбрасывались с воздушных шаров. Прекращение подобной практики сами деятели НТС объясняют требованиями американцев, т. к. на тех же высотах, что и шары, летали американские самолеты-разведчики. Кроме того, на взгляд А.В. Антошина, необходимо учитывать и то обстоятельство, что факты «засылки в воздушное пространство социалистических стран шаров с грузом провокационных листовок» были хорошо известны советским спецслужбам. Об этом свидетельствовали публикации в партийной прессе. Очевидно, спецслужбы Советского Союза и стран социалистического лагеря стремились пресекать попытки НТС вести пропаганду своих идей такими методами. Да и сами лидеры НТС, как свидетельствуют источники документы, обнаруженные автором, свидетельствовали о понимании невысокой степени эффективности подобных акций.

Характеризуя методы агитационно-пропагандистской работы НТС, следует указать на использование им упрощенных лозунгов, рассчитанных на то, что потенциальной базой оппозиции в СССР являлась не только интеллигенция, но и те люди, которые не получили основательной общенаучной и гуманитарной подготовки. Многие из них слабо разбирались в сложных философских и идеологических конструкциях, в особенностях программ различных политических организаций. Кроме того, по мнению идеологов НТС, политическое сознание советского человека сформировалось под влиянием официальной пропаганды, оно было наиболее восприимчиво к определенным конструкциям, поэтому целесообразно было прибегнуть к тем моделям, которые давно и успешно использовались пропагандистским аппаратом в Советском Союзе. Однако именно этот подход новых лидеров НТС – Е.Р. Романова, А.Н. Артемова и других – резко критиковался некоторыми старыми членами Союза. Как пишет автор, лидеров оппозиционного меньшинства в НТС после войны, вскоре вышедших из Союза (В.М. Байдалаков, Б.В. Прянишников и др.) не устраивало прежде всего стремление нового руководства организации копировать большевиков и их методы борьбы за власть, а также опыт работы советского пропагандистского аппарата 1930–1940-х гг. Однако, по мнению А.В. Антошина, снижение интеллектуального уровня публикаций НТС, уменьшение удельного веса в них непосредственной пропаганды идеологических принципов солидаризма приводило к тому, что оппозиция в СССР лишалась духовного «стержня».

Либерализация политического режима в СССР в середине 1950-х гг. – начале 1960-х гг. привела к тому, что более частыми стали туристические поездки граждан СССР за рубеж. Привлеченные автором архивные источники, в частности, материалы Свердловского обкома КПСС, показывают, что состав туристических групп, их подготовка к поездке, поведение их членов за границей жестко контролировались советскими органами государственной безопасности, направлявшими подробные отчеты в партийные комитеты. Сами деятели НТС достаточно быстро заметили, что среди прибывающих на Запад советских туристов очень мало представителей молодежи. Это было связано, по их мнению, с тем, что советские спецслужбы считали молодое поколение неустойчивой в идеологическом отношении группой, склонной к восприятию антикоммунистических лозунгов.

Очевидно, по мнению автора, что не следует преувеличивать степень эффективности пропагандистской работы НТС. Лишь небольшая часть попыток такого рода в 1950–1960-е гг. приводила к ответной реакции советских людей, способствовала реальному

установлению сколько-нибудь долговременного контакта. Проведенный А.В. Антошиным анализ солидаристской литературы показывает, что сами деятели Союза нередко завывали степень своего воздействия на оппозиционную советскую интеллигенцию, стремясь из отдельных фактов создать определенную тенденцию.

На взгляд автора, адекватно характеризуют ситуацию те современные исследователи протеста инакомыслящих в СССР в 1950-е-начале 1960-х гг., которые не преувеличивают степень его политизированности. Очевидно, по мнению А.В. Антошина, можно согласиться с тем, что у большинства представителей сочувствовавшей инакомыслящим советской интеллигенции тех лет слова «политика» и «идеология» вызывали резкое отторжение, ибо эти люди «не знали другой политики, кроме той, что привела человечество к мясорубке Второй мировой войны, а их страну к кровавому маразму позднего сталинизма». Единственная же известная им идеология представлялась многим из них «грандиозным блефом». Поэтому интеллектуалы 1950-х гг. верили, что «в этом мире непреходящую ценность имеют только три вещи: человеческая солидарность, внутренняя свобода и творчество». В тех условиях эти ценности могли быть реализованы одновременно, прежде всего, в такой области социальной активности, как культура. Именно в этой сфере и выражались настроения протеста в 1950-е гг. – начале 1960-х гг. Протест был направлен, прежде всего, против проявлений догматизма в культуре, науке, других сферах деятельности. Но, имевшие широкий общественный резонанс, исключительно жестко преследуемые властью, попытки такого культурного нонконформизма неизбежно становились важными факторами развития оппозиционного движения в СССР. Поэтому, по мнению А.В. Антошина, закономерно, что и антикоммунистическая эмиграция стремилась использовать факты культурной оппозиции в СССР в своих политических целях. Например, НТС осознавал, что именно публикация произведений преследуемых в СССР авторов может не только привлечь внимание к осуществившейся структуре, но и способствовать укреплению оппозиционных настроений советской интеллигенции. На страницах выпускавшегося солидаристами журнала «Грани» были опубликованы работы многих деятелей культуры СССР. Неортодоксальные идейные установки некоторых советских деятелей культуры встречали поддержку у эмигрантских политиков, о чем свидетельствует и хранящийся в архивах комплекс их личной переписки, обнаруженный автором.

Вместе с тем, по мнению А.В. Антошина, не следует преувеличивать глубину и темпы отхода советской интеллигенции от официальной идеологии. К середине 1960-х гг. этот процесс, хотя и получил некоторое развитие, символом чего стало возникновение движения диссидентов, тем не менее, отнюдь не достиг фазы полного разочарования общества в ценностях, пропагандируемых властью. Следует учесть также и тот факт, что нередко протест принимал характер не политической, а культурной оппозиции. Что же касается политических оппонентов режима, то неприятие существовавшей в СССР модели социализма могло сочетаться с представлением о необходимости возвращения к истокам марксизма или «политическому завещанию Ленина». Это приводило к тому, что пропаганда антикоммунистических эмигрантских организаций далеко не всегда находила отклик у советских людей.

Весьма взвешенно, на взгляд автора, следует подходить и к оценке результатов той антикоммунистической пропаганды среди советских граждан, которую вел НТС. Не стоит совершенно игнорировать тот факт, что деятели Союза действительно пытались привлечь на свою сторону некоторых представителей советской интеллигенции (особенно, из числа молодежи), используя для этого все доступные им средства. Под влиянием радиопередач «Свободной России» и материалов «Посева» политическое сознание некоторых представителей советской молодежи действительно подверглось существенной трансформации. Однако, как показывает анализ источников, проведенный А.В. Антошиным, в большинстве случаев вся эта деятельность не приносила результатов, советские люди не воспринимали всерьез призывы НТС к началу в России новой революции. Большинство советских интеллигентов, даже из числа тех, кто критически относился к существовавшей в стране политической системе, полагали, что для улучшения жизни населения необходимо действовать иными методами, чем те, которые пропагандировал НТС.

Отношение российских эмигрантов к политическому режиму в СССР, их оценки его характера во многом являются решающими при определении места той или иной эмигрантской группировки в политическом спектре диаспоры. В российской эмигрантской прессе политическим процессам в Советском Союзе уделялось большое внимание, эта тематика занимала место на первых полосах газет и журналов. Проанализированные А.В. Антошиным материалы личной переписки представителей диаспоры показывают, что и в письмах друзьям и родственникам российские эмигранты нередко выражали свое отношение к новостям из советской политической жизни. Проведённый автором анализ, убедительно доказывает, что их высказывания о политике в СССР, представленные в личной переписке, обычно носили эмоциональный характер, элемент теоретического осмысления советской действительности здесь был выражен достаточно слабо. Тем не менее, содержание этих оценок определялось политическими убеждениями автора, которые обычно и обуславливали его принадлежность к той или иной эмигрантской группировке. Характер и глубина проводившегося анализа ситуации в Советском Союзе также нередко были различны в зависимости от политических взглядов эмигрантского публициста или философа.

Обсуждение. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что проблема «второй волны» эмиграции широко представлена в историографии, однако существует ряд вопросов, требующих уточнения, дополнительного исследования и беспристрастного анализа. В первую очередь это касается численности «второй волны», а также тех составных элементов, из которых и происходило её формирование.

Результаты и выводы: Необходимо отметить, что на протяжении 1940–1960-х гг., российская эмиграция прошла значительную эволюцию. Менялся характер взаимоотношений Зарубежной России и СССР, налаживались культурные связи, участились контакты советских граждан с родственниками и друзьями, эмигрировавшими в конце Гражданской войны.

К концу рассматриваемого периода, сошло со сцены большинство вождей «белой эмиграции», уходили из жизни последние меньшевики и эсеры. Отошли от активной политической деятельности, поняв ее низкую эффективность и потеряв надежду на скорое возвращение на Родину, и многие лидеры «второй эмиграции». На смену им начинали приходить новые эмигранты – представители формировавшегося в СССР движения диссидентов. Они вновь, уже в новых условиях эпохи «разрядки», должны были делать свой политический выбор, стремясь выступать в качестве самостоятельного фактора в глобальном противостоянии Востока и Запада.

Примечания:

1. Жуков Ю. На Западе после войны / Ю. Жуков // Октябрь. 1947. № 10. С. 112–131.
2. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. М.: Наука, 1977. 320 с.
3. Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки: (Ист. очерк). / А.А. Стрелко. Киев: Наук. думка, 1980. 142 с.
4. Леперванш М., де. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. / М. де Леперванш // Советская этнография. 1981. №4. С. 63–82.
5. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. М.: Мысль, 1987. 236 с.
6. Афанасьев А.Л. Польша в чужих краях / А.Л. Афанасьев. М.: Мол. гвардия, 1987. 283 с.
7. Земсков В.Н. Рождение «Второй эмиграции» (1944-1952) / В.Н. Земсков // Социс. 1991. №4. С. 3–24.
8. Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 18–30
9. Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации / А.А. Шевяков // Социс. 1993. №8. С. 3–11.
10. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных / М.И. Семиряга // Вопросы истории. 1995. №4. С. 19–33.
11. Полоскова Т.В. Судьбы перемещённых лиц / Т.В. Полоскова // Дипломатический

вестник. 1996. №10. С. 77-79.

12. Тарле Г.Я. Российская эмиграция в 1940-1950-е гг. / Г.Я. Тарле // Россия и современный мир. 1999. №3. С. 108-129.

13. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. 1988. №10. С. 128-137.

14. Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии / Ю.А. Писарев // Новая и новейшая история. 1991. №1. С. 151-161.

15. Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944 / В.И. Косик // Славяноведение. 1992. №4. С. 20-32.

16. Владимирская Т.Л. Россияне в Аргентине и Парагвае / Т.Л. Владимирская // Русское Зарубежье в Латинской Америке. М., 1993. С. 7-17.

17. Полоскова Т.В. Русские в Аргентине / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. 1998. №1. С. 40-43.

18. Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США в зеркале американской статистики / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С. 94-106.

19. Нитобург Э.Л. Русские в Америке – интеграция или ассимиляция? / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 2001. №6. С. 82-103.

20. Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе / М.Ю. Досталь // Славяноведение. 1993. №4. С. 49-62.

21. Кьосева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии / Ц. Кьосева // Славяноведение. 1996. №4. С. 11-23.

22. Анучкин-Тимофеев А.С. Русские в Австралии / А.С. Анучкин-Тимофеев // Дипломатический вестник. 1998. №3. С. 47-51

23. Хисамутдинов А.А. Русские эмигранты на Филиппинах / А.А. Хисамутдинов // Вопросы истории. 2003. №8. С. 141-146.

24. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. / В.Н. Земсков // История СССР. 1990. №4. С. 26-41.

25. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба / В.Н. Земсков // Социс. 1995. №5. С. 3-12.

26. Сизоненко А.И. По страницам газеты русских монархистов / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. 1995. №9. С. 65-68.

27. Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» / М.А. Бирман // Отечественная история. 1999. № 5-6.

28. Росов В.А. Ещё раз о русских архивах в США / В.А. Росов // Вопросы истории. 2000. №7. С. 173.

29. Телицын В.Л. Новая экономическая политика: взгляд из Русского зарубежья / В.Л. Телицын // Вопросы истории. 2000. №8. С. 30-42.

30. Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России / Е.А. Бондарева // Вопросы истории. 2001. №9. С. 53-64.

31. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 05.25.03 / П.Н. Базанов. Санкт-Петербург, 2005. 42 с.

32. Митрохин, С.В. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность: автореф. дис... д-ра. ист, наук: 07.00.02 / С.В. Митрохин; Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2009. 42 с.

33. Ермоленко В.Г., Анучкин-Тимофеев А.С. Россияне за рубежом: проблемы и перспективы / В.Г. Ермоленко, А.С. Анучкин-Тимофеев // Дипломатический вестник. 1993. №5-6. С. 62-66

34. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. М.: Родник, 1994. 415 с.

35. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н. Л. Пушкарева // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53-69.

36. Казарова Н.А. Лидия Дан / Н.А. Казарова // Вопросы истории. 1998. №7. С. 142-146.

37. Болховитинов Н.Н. «Отечественная история» и Российское зарубежье (заметки на полях журнала) / Н.Н. Болховитинов // Отечественная история. 2000. № 5. С. 123-127.

38. Генис В.Л. Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х гг. / В.Л. Генис // Вопросы

истории. 2000. № 1. С. 46-63.

39. Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны / В.И. Голдин. Архангельск – Мурманск: Солти, 2005. 614 с.

40. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), излож. по его рассказам Т.Манухиной. М.: Моск. рабочий : Всецерков. православ. молодеж. движение, 1994. 621 с.

41. Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС, 1930–1960 гг. / В.М. Байдалаков. М.: Авуар консалтинг, 2002. 119 с.

42. Кривошеева Е.Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны : автореф. дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.Г. Кривошеева; [Моск. гор. пед. ун-т]. М., 2003. 40 с.

УДК 93/94

Зарубежная Россия в монографии А.В. Антошина «Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.): формирование, политическая деятельность, взаимоотношение с СССР

Артём Игоревич Курицын

Белорусский государственный университет, Белоруссия
220030, Минск, пр.Независимости 4
E-mail: dorward@mail.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается монография А.В. Антошина «Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)». Особое внимание уделено проблематике связанной с формированием второй волны эмиграции. Анализируется процесс репатриации советских граждан после Второй мировой войны. Рассматриваются вопросы, связанные с политической деятельностью организаций российского зарубежья, пропагандистской деятельности НТС и других эмиграционных структур.

Ключевые слова: Зарубежная Россия; «вторая волна эмиграции»; просоветские настроения эмигрантов; НТС; инакомыслие в СССР как фактор пропагандистской деятельности.